

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ФИННО-УГОРСКИХ (УРАЛЬСКИХ) УКАЗАТЕЛЬНЫХ И ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

1. О генетической связи финно-угорских или уральских личных и указательных местоимений писалось неоднократно. Однако некоторые авторы лишь отмечали тот несомненный факт, что, например, в марийских* и пермских языках одни и те же местоимения употребляются в качестве указательных и личных местоимений 3-го лица¹ или что личные местоимения в этих языках происходят от соответствующих указательных местоимений.² Некоторые же ученые высказывали предположение, что местоимения 3-го лица не только в пермской и марийской ветвях (и не только в отдельных прибалтийско-финских языках), но и вообще в финно-угорских языках происходят от указательных местоимений; иногда подобное происхождение допускалось не только для местоимений 3-го лица.³ Особенно большие заслуги в выяснении генетических взаимоотношений финно-угорских указательных и личных местоимений принадлежат Э. Вертеш.⁴

Все прежние положительные высказывания по поводу взаимоотношений финно-угорских или уральских личных и указательных местоимений имеют одну общую особенность: в них утверждается, что личные местоимения произошли от указательных; тем самым предполагается, что в финно-угорских языках личные местоимения «моложе» указательных. Между тем это предположение верно лишь относительно личных местоимений 3-го лица. Что же касается личных местоимений 1-го и 2-го лица, они не менее древни, чем указательные местоимения.

В результате наблюдений над типологией развития указательных и личных местоимений в разных языках мира мы пришли к выводу, что генетическая взаимосвязь личных местоимений 3-го лица с указательными местоимениями отличается от взаимосвязи личных местоимений 2-го и 1-го лица с указательными местоимениями.⁵

* Исходя из наличия в марийском языке двух литературных норм, автор пишет о двух марийских языках. (Ред.)

¹ Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 134; Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 168.

² См., напр.: Современный коми язык. Часть первая, Сыктывкар 1955, стр. 195.

³ H. O j a n s u u, Itämerensuomalai sten ki el ten pronominioppia (= Turun Suomalaisen Yliopiston Julkaisuja I 3), Turku 1922, стр. 83; Gy. L a k ó, Az egyszerű ragok keletkezésének kérdéséhez. — A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei I, Budapest 1951, стр. 221—222.

⁴ E. V é r t e s, Az osztják személynévmások, Budapest 1943, стр. 9—12; ee же, Die ostjakischen Pronomina, Budapest 1967, стр. 192—205.

⁵ К. Е. Майтинская, К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем. — ВЯ 1968, № 3, стр. 32—39.

2. Личные местоимения 3-го лица по своей природе весьма близки к указательным. В языках, где, как и в русском, личные местоимения 3-го лица одинаково относятся к людям, животным и предметам, основное различие между указательными и личными местоимениями сводится к тому, что указательные местоимения употребляются и субстантивно и в качестве определений, а местоимения 3-го лица — только субстантивно. Поэтому во многих языках мира отдельной категории личных местоимений 3-го лица вообще нет, поскольку в функциях этих слов успешно выступают уже определившиеся указательные местоимения. В ряде же других языков личные местоимения 3-го лица уже отделились от указательных, но процесс этот завершился сравнительно поздно.

Материалы финно-угорских (уральских) языков не противоречат данным типологическим наблюдениям.

3. Очевидно, что личное местоимение 3-го лица формировалось не раньше позднего прафинно-угорского периода, о чем свидетельствует пестрота основ этих местоимений в самодийских языках, а также ряд отклонений от общей основы и на самой финно-угорской почве.

Прафинно-угорское личное местоимение 3-го лица имело основу *sз-, которая в современных финно-угорских языках представлена следующим образом: фин. *hän*, саам. *son, sun, sotno*, морд. *son*, удм. *so*, коми *si, sije*, манс. *täβ*, хант. *täy* и т. д., венг. *ő*.⁶ Перечисленные местоимения генетически не связаны с s-, ś-овыми указательными местоимениями прибалтийско-финских и волжских языков (фин. *se*, морд. *še, še, śa*, мар. *sede*, сюда относятся и хант. *śit, tit*), так как эти слова возводятся к прафинно-угорскому *śз- или *čз-.⁷

Несомненно, что перечисленные личные местоимения 3-го лица с основой *sз- восходят к какому-то указательному местоимению с основой *sз-⁸, что подтверждается данными пермских языков, в которых соответствующие основы или их производные до сих пор употребляются в качестве как указательных, так и личных местоимений 3-го лица (ср. коми-зыр. *sije*, коми-перм. *sija*, удм. *so* 'он, оно, она; тот'), причем в первой функции они (как обычные указательные местоимения) могут выступать не только субстантивно, но и в роли определений. Положение в пермских языках не противоречит общепринятому мнению о древности финно-угорской системы личных местоимений, а свидетельствует лишь о том, что процесс обособления личных местоимений 3-го лица от соответствующего указательного местоимения не во всех диалектах финно-угорского языка-основы происходил с одинаковой интенсивностью. Не завершился данный процесс, например, в диалектах, которые (после сложных этапов деления на ветви и языки) в конечном счете стали родоначальниками пермских языков.

Косвенным доказательством происхождения финно-угорских личных местоимений 3-го лица от уже определившегося указательного местоимения могут служить также данные из марийских и некоторых при-

⁶ SKES I, стр. 97—98.

⁷ H. Paasonen, Über den ursprünglichen anlaut des finnischen demonstrativpronomens *se*. — FUF VI 1906, стр. 211—212; E. Vértés, Die ostjakischen Pronomina, стр. 222.

⁸ Некоторые ученые (P. Ravila, Suomalais-ugrilaisten kielten taivutuksen historiaa. — Vir. 1945, стр. 323; D. Fokos, A névragozás történetéből. — NyK LVIII 1956, стр. 65; E. Vértés, Die ostjakischen Pronomina, стр. 197) справедливо отметили, что в уральском языке-основе было больше указательных местоименных основ, чем обычно считается, т. е. кроме отмеченной *śз- (*čз-) могла использоваться и указательная основа *sз-.

балтийско-финских языков; в этих языках (как и в пермских) в роли личных местоимений используются указательные, но основы последних (в отличие от основ пермских указательно-личных местоимений) не тождественны общефинно-угорской *s-овой основе личных местоимений 3-го лица. Марийские указательно-личные местоимения *tudo*, *täda* восходят к финно-угорскому указательному местоимению с основой *t-, относившемуся к удаленному предмету; в эстонском, ливском и водском языках t-овые указательные местоименные основы, используемые (или использовавшиеся) для указания на ближнее расстояние, ныне выступают как личные местоимения 3-го лица; ср. эст. *tema*, *ta*, лив. *tämä*, *ta*, вод. *tämä*.⁹ М. Жираи считает данное явление в прибалтийско-финских языках вторичным, т. е., по его мнению, приведенные указательные местоимения сравнительно поздно вытеснили собственно-личные местоимения 3-го лица.¹⁰ Однако не исключено, что в соответствующих прибалтийско-финских, а также марийских языках этот процесс происходил иначе: наряду с уже сформировавшимся общефинно-угорским личным местоимением 3-го лица, восходившим к указательному местоимению с основой *sə-, в функции личного местоимения 3-го лица с самых древних времен продолжали употребляться и другие указательные местоимения¹¹; в марийских и особенно в вышеупомянутых прибалтийско-финских языках из конкурирующих между собой местоимений обобщилось одно из указательных, а более распространенное общефинно-угорское собственно-личное местоимение оказалось побежденным. Впрочем для марийских языков возможно и другое объяснение: они могли продолжать диалекты, в которых, как и в родоначальниках пермских языков, еще не успело сформироваться личное местоимение 3-го лица; поэтому в марийских языках в функции этого личного местоимения стало употребляться одно из указательных. Несколькo необычно то, что в перечисленных прибалтийско-финских языках в роли личных местоимений 3-го лица упрочились указательные местоимения со значением 'этот': в подобной роли, как правило, выступают местоимения, указывающие на удаленность предмета. Однако данная «индивидуальность» эстонского, водского и ливского языков может быть объяснена тем, что в них при указании на ближнее положение стали использоваться другие указательные местоимения, вследствие чего значение указательных местоимений с основой *tä-* (*ta-*, *te-*) поблекло и не смогло помешать превращению соответствующих указательных местоимений в личные местоимения 3-го лица.

4. Историко-типологические наблюдения над разными языками мира показывают, что личные местоимения 1-го и 2-го лица, как правило, очень древни. Тем не менее их генетическая связь с указательными местоимениями выявляется во многих языках. Как мы показали в нашей прежней работе, существуют разные точки зрения на данную связь: многие ученые первичными считали указательные и вторичными личные

⁹ Языки народов СССР III, Москва 1966, стр. 47, 125, 144; Н. Оjansuu, указ. раб., стр. 77—78.

¹⁰ M. Zsirai, *Névmástanulmányok. Emlékkönyv Melich János hetvenedik születésnapjára*, Budapest 1942, стр. 489.

¹¹ Следы использования указательных местоимений наряду с личными встречаются и в современных финно-угорских языках, даже в тех, в которых имеются особые личные местоимения 3-го лица; так в финских текстах Агриколы в роли личного местоимения 3-го лица встречается указательное местоимение *tai* (см. Н. Оjansuu, указ. раб., стр. 78); в этой же функции употребляется и финское указательное местоимение *se* 'этот; тот' (см. E. Vértés, *Die ostjakischen Pronomina*, стр. 195) и венгерское указательное местоимение *ez*.

местоимения¹², причем, как отмечалось выше, именно данное мнение распространено и среди исследователей уральских языков. Мы придерживаемся другого предположения: как указательные местоимения, так и личные местоимения 1-го и 2-го лица одинаково древни и восходят к первичным дейктическим частицам, совмещавшим функции частиц, наречий и местоимений. Однако (в отличие от личных местоимений 3-го лица) личные местоимения 1-го и 2-го лица предназначены для функций, весьма отличных от функций указательных местоимений. Поэтому в процессе развития языков расплывчатые по своему значению первичные дейктические частицы оказались неудобными, и в связи с этим весьма рано возникла необходимость дифференцировать указательные местоимения и личные местоимения 1-го и 2-го лица. Путем приобретения различных формантов (местоименных, выделительных и других аффиксов), разного звукового оформления основы и дифференцированных моделей словоизменения первичные дейктические частицы, с одной стороны, превращались в указательные местоимения, с другой — в личные местоимения 1-го и 2-го лица. При этом указательные и личные местоимения могли развиться из разных или тождественных первичных дейктических частиц.¹³

Материалы уральских языков не противоречат данным типологическим наблюдениям.

5. Уже в уральском языке-основе существовали вполне определенившиеся категории личных местоимений 1-го и 2-го лица, корни которых уходят даже в далекую доуральскую эпоху. Прауральское личное местоимение 2-го лица реконструируется в виде основы **tэ-*, представленной в разных языках следующим образом: фин. *sinä* (< **tinä*), саам. *don* (*du-*), морд. *ton*, мар. *tāi*, удм. *ton*, коми *te*, венг. *te*, нганас. *tannaŋ*, энец. *tođi*, сельк. *taŋ*, *tat*, камас. *tan*.¹⁴ Генетическая общность данного личного местоимения с одним из *t*-овых указательных местоимений очевидна.

Значительно сложнее обстоит дело с обско-угорскими личными местоимениями 2-го лица, начинающимися с *n-*. Данный *n*-овый корень можно отождествлять только с корнем *n-*, выявляющимся в указательных местоимениях множественного числа типа фин. *niio*, *ne* 'те', *nätä* 'эти', морд. *nopa* 'те', *ñe*, *ñe* 'эти; те', мар. *nuno* 'те', *nəna* 'эти'. Исследователи старшего поколения эти формы множественного числа объясняли чередованием *t* ~ *n*¹⁵ и, таким образом, *n*-овые формы указательных местоимений возводили к *t*-овым указательным местоимениям. Однако в последнее время получила распространение другая точка зрения: в финно-угорском или уральском языке-основе имелось особое указательное местоимение с основой *n-*, используемое в системе указательных местоимений ряда современных языков как супплетивная форма множественного числа к *t*-овым, а также к некоторым другим (фин. *se*, морд. *še*, *še*, коми *sije*) местоимениям единственного числа; впрочем в саамских и самодийских наречиях *n*-овая местоименная основа сохранилась

¹² К. Е. Майтинская, К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем, стр. 32.

¹³ Там же, стр. 33.

¹⁴ В. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary, Stockholm 1955, стр. 57.

¹⁵ J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig 1922, стр. 97.

и в форме единственного числа.¹⁶ После того, как найдено указательное местоимение с *n*-овым корнем, общее происхождение данного указательного местоимения и обско-угорских *n*-овых личных местоимений 2-го лица представляется вполне вероятным: оба типа местоимений возводимы к некоей *n*-овой первичной дейктической частице доуральского периода. В то время, как уже в уральском языке-основе функционировало обще-уральское *t*-овое личное местоимение 2-го лица, развившееся от *t*-овой первичной дейктической частицы, в отдельных диалектах параллельно интенсивно использовалось также и *n*-овое личное местоимение 2-го лица¹⁷, возникшее от другой (*n*-овой) первичной дейктической частицы. Впоследствии на базе этих диалектов образовались обско-угорские языки, в которых общеуральские *t*-овые личные местоимения 2-го лица были вытеснены *n*-овыми диалектными формами. Не исключено и второе объяснение: в соответствующих прауральских диалектах употреблялось только *n*-овое личное местоимение 2-го лица, которое и осталось в обско-угорских языках.

6. По вышепредложенной схеме наиболее затруднительно объяснить происхождение уральского местоимения 1-го лица с основой **m*-, которая в отдельных языках представлена следующим образом: фин. *minä*, саам. *top*, *tip*, морд. *top*, мар. *mäi*, удм. *top*, коми *te*, хант. *mä*, манс. *am*.¹⁸

Единственная прафинно-угорская не-вопросительная **m*-овая местоименная основа в разных современных языках представлена следующим образом: фин. *miin*, саам. *tiuppie*, *tubbie*, *nubbie*, мар. *molo*, *mölä*, удм. *miä*, *miket*, коми *mäd*, венг. *más* 'другой; второй'¹⁹; сюда же относятся венг. *ma* 'сегодня; теперь', *most* 'теперь'.²⁰ Семантическое несоответствие между словами со значением 'сегодня; теперь' и словами со значением 'другой' вызывали у ряда языковедов сомнения по поводу генетической общности венг. *ma*, *most* и венг. *más*, фин. *miin* и т. д. Поэтому некоторые авторы венг. *ma*, *most* не объединяют с местоимением типа фин. *miin* и т. д.²¹ или же только допускают возможность такого объединения.²² Этимологическому объединению местоименных слов указанных двух групп мешало то обстоятельство, что для слов типа фин. *miin* значение 'другой' считалось первоначальным. Однако, по всей вероятности, значение 'другой; второй' развилось из значения указательного местоимения таким же путем, как от финской указательной основы *tä-* развилось финское местоимение *toinen* 'другой; второй'.²³ Кроме того, нам думается, что **m*-овая первичная дейктическая частица была представителем общего указания, которая могла относиться как к близкому, так и к далекому от говорящего предмету (представителем такого указания была, например, финно-угорская местоименная основа **čz-* > фин. *se*, морд. *še* и т. д.) и потом в разных финно-угорских язы-

¹⁶ Н. Ojansuu, указ. раб., стр. 83; Gy. Lakó, указ. раб., стр. 213—214, 217, SKES II, стр. 412, 399; В. Collinder, A lapp nyelv hovatarfozása. — MNy XL 1944, стр. 259; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, Москва 1964, стр. 29—30; E. Vértes, Die ostjakischen Pronomina, стр. 201—202.

¹⁷ Следы *n*-ового личного местоимения сохранились также в пермских глагольных личных окончаниях, см. В. Kálmán, A 2. személy -d ragja. — MNy LXI 1965, стр. 165, 168.

¹⁸ SKES II, стр. 346.

¹⁹ SKES II, стр. 354.

²⁰ А. Martinkó, Az időhatározók egy csoportjának kérdéséhez. — MNy LII 1956, стр. 35.

²¹ SKES II, стр. 354.

²² Н. Ojansuu, указ. раб., стр. 103—104; G. Bárczi, A Magyar Szófejtő Szótár, Budapest 1941, стр. 193.

²³ D. Pais, Az egy számnév meg az így határozószó. — MNy LIV 1958, стр. 60.

ках стала выражать либо 'тот', либо 'этот', либо оба значения. От *m*-ового представителя общего указания могли развиваться местоимения как со значением 'тот' > 'другой' типа фин. *min*, так и со значением 'этот' > 'сегодня; теперь' типа венг. *ma*, *most*²⁴; естественно, что указание на близкое расстояние было удобно и для развития *m*-ового уральского личного местоимения 1-го лица. (Отсутствие в самодийских языках *m*-овой указательной местоименной основы не противоречит данной гипотезе; по-видимому, этими языками она была утрачена).

7. Остается неясным вопрос, связанный с вокализмом личных местоимений, обнаруживающим противоречивость даже у соответствующих по лицу форм. Так, венгерские личные местоимения всех трех лиц характеризуются переднерядными гласными, в то время как мордовские личные местоимения единственного числа содержат гласный *o*. Может показаться неправомерным сведение столь разных по вокализму личных местоимений к одному этимологическому источнику. Весьма остроумно решает данный вопрос Э. Вертеш: допуская, что в древности было несколько **m*-овых и **t*-овых указательных основ, она предполагает, что с одной стороны, мордовские, а также саамские личные местоимения 1-го и 2-го лица, а с другой стороны, личные местоимения тех же лиц в остальных финно-угорских языках происходят от разных **m*-овых и **t*-овых указательных основ; кроме того, известную роль могло иметь и выравнивание по аналогии.²⁵ Данное решение вопроса действительно не исключено, ведь общеизвестно, что существовало две разных **t*-овых указательных местоименных основы.

Думается, что вопросы, связанные с вокализмом прафинно-угорских (уральских) местоименных основ, в настоящее время не разрешимы. Разыскания ученых по древнему вокализму финно-угорских (уральских) слов основываются главным образом на материале двусложных основ, к которым относятся основы всех древних слов, кроме местоимений, междометий и служебного отрицательного глагола (по-видимому, также местоименного происхождения).²⁶ Весьма возможно, что вокализм односложных слов подчинялся своим особым законам и характеризовался меньшим постоянством, чем вокализм двусложных слов.

*

Таким образом в уральских языках генетическая общность указательных и личных местоимений всех лиц представляется вполне реальной.²⁷ Личные местоимения 1-го и 2-го лица наряду с соответствующими указательными местоимениями произошли непосредственно от первичных дейктических частиц доуральского периода, совмещавших функции указательных частиц (наречий), указательных и личных местоимений. Личное же местоимение 3-го лица (с основой **s-*) возникло только в финно-угорском языке-основе на базе уже сформировавшихся указательных местоимений. Однако в диалектах, ставших родоначальниками пермских языков, обособление местоимения 3-го лица от указательных местоимений не было завершено. В других же диалектах прафинно-угорского языка в качестве личного местоимения 3-го лица использовалось не **s*-овое, а другое указательное местоимение, что впоследствии получило отражение в марийских языках.

²⁴ А. Martinkó, указ. раб., стр. 35—36.

²⁵ E. Vértes, Die ostjakischen Pronomina, стр. 205, 220.

²⁶ P. Raviġa, Die Wortklassen mit besonderer Berücksichtigung der uralischen Sprachen. — JSFOu 59,з 1957, стр. 8, 10.

²⁷ Таким образом, мы изменили наше прежнее мнение (см. К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 97—98) об отсутствии генетической связи между **m*-овым личным местоимением 1-го лица и **m*-овым указательным местоимением.

K. J. MAJTINSKAJA (Moskau)

ÜBER DEN GENETISCHEN ZUSAMMENHANG DER FINNISCH-UGRISCHEN (URALISCHEN) DEMONSTRATIV- UND PERSONALPRONOMINA

In den uralischen Sprachen gehören die drei Personalpronomina mit den Demonstrativpronomina genetisch zusammen. Die Personalpronomina der 1. und 2. Pers. und die entsprechenden Demonstrativpronomina stammen unmittelbar von den primären deiktischen Partikeln der voruralischen Sprachperiode, denen in jener Zeit noch die Funktionen der Demonstrativpartikeln (Adverbien), wie auch der Demonstrativ- und Personalpronomina undifferenziert eigen waren. Dagegen entstand das Personalpronomen der 3. Pers. erst in der späteren finnisch-ugrischen Grundsprache und zwar auf Grund der schon ausgeprägten Demonstrativpronomina. Dabei ist zu bemerken, daß in den Dialekten, aus denen sich später die permischen Sprachen entwickelten, sich keine Differenzierung zwischen Demonstrativ- und Personalpronomina vollgezogen hat. In anderen Dialekten der finnisch-ugrischen Grundsprache war als Personalpronomen der 3. Pers. nicht das verallgemeinerte Demonstrativpronomen mit dem Element *s*, sondern ein anderes mit *t* gebräuchlich, und diese Eigentümlichkeit ist im Marischen erhalten geblieben.